

Глава первая

— Ну ты и вымахал! — удивился Францев, хлопывая друга по плечам. — Ну-ка поворотись, покажись... Сколько же мы с тобой не виделись? Два года почти.

— С прошлого лета, — уточнил Кудеяров, пытаясь высвободиться из объятий и оглядывая при этом кабинет участкового инспектора.

— Разве? — не поверил Николай. — Ну все равно почти полтора года не виделись. А ты таким накачанным стал... С утра до вечера, поди, с тренажера не слезаешь.

— Как раз наоборот: из кабинета не вылезаю. Вот и набрал лишнего веса.

— Наслышаны о твоих успехах. А я тоже, если честно, на месте не стою. Думал на пенсию уйти: и возраст, и выслуга позволяют, а тут мне подполковника присвоили. Сам понимаешь: сельский участковый, и на тебе — подполковник... Даже

в Москву на совещание ездил: выступал перед коллегами, опытом делился... Сам понимаешь, я у коллег в авторитете: участковый и с орденом Мужества на груди.

Францев замолчал, поняв, что Кудеяров не случайно появился на пороге его опорного пункта...

— Паша, а ты к нам по делам или так — по старой памяти?

— Неделю отпуска взял, чтобы родителей навестить, а потом сводки посмотрел — у тебя на участке нераскрытое убийство с прошлого месяца висит. Вот и решил заскочить к тебе.

Участковый, продолжая радостно улыбаться, развел руками:

— Да я к расследованию никакого отношения... Труп обнаружила местная жительница... То есть жительница того самого коттеджного поселка «Ингрия», в котором проживала потерпевшая и который тебе самому хорошо знаком. Свидетельница проходила мимо участка и услышала, как воют собаки, зашла на территорию, приблизилась к дому...

— Какие собаки воют? — не понял Кудеяров.

— В доме потерпевшей собаки были. Убитая — кинолог, то есть была кинологом... Так они в доме находились: две принадлежали потерпевшей, а одну она взяла на передержку... Короче,

свидетельница первым делом позвонила мне: я примчался, удостоверился, что смерть носит криминальный характер, и доложил в РУВД. Потом уж туда налетели все, но я до того осмотрел все очень тщательно.

— На что ты сразу обратил внимание?

Францев задумался, а потом кивнул:

— Там немного странно все было. Свидетельница показала, что она вошла на участок и увидела следы, которые вели к дому. Тогда первый снег выпал. Он через пару дней растаял. Или даже раньше. Но тогда слой был тридцать миллиметров, если верить метеорологам. Снегопад начался около десяти вечера, а закончился в полвторого ночи. То есть кто-то уже после этого времени зашел на территорию, убил хозяйку ножом и назад не вернулся.

— Как этот кто-то мог остаться дома?

Францев молча пожал плечами.

— Как это возможно? — не поверил Кудеяров.

— Невозможно, конечно, — согласился участковый, — но я обошел дом снаружи, потом проверил все комнаты, а их там всего-то пять, включая ванную. Везде пусто. Но из дома никто не выходил. По крайней мере, следов не оставил.

— А те следы, которые обнаружила свидетельница, были зафиксированы?

— Какой там! — махнул рукой Николай. — Как примчались эти из РУВД и из районного следкома, начали туда-сюда перемещаться и все затоптали. А я не сообразил сразу на камеру в телефоне зафиксировать. Но описать следы могу... Это были отпечатки женских ботинок размера так тридцать девятого или сорокового на плоской подошве...

— Как ты размер определил?

— Так чего его определять: у погибшей был как раз тридцать девятый. В прихожей стояли и сапожки, и ботики.

— А то, что женские боты, как узнал?

— Просто предположил. Не может же быть у мужика такого размера.

Францев наконец опустил в кресло и указал рукой гостю на такое же.

— Что мы о деле и о деле! Погляди-ка лучше, какая у меня обстановочка теперь.

— В прошлом году эта мебель уже у тебя была. Тебе ее Ашимов¹ подарил, когда покидал здешние места. Ты еще жаловался, что начальник РУВД на тебя наезжает, говорит, что это подарок всей районной полиции, а не тебе лично, а потому ты должен с ним поделиться.

¹ Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

— Какая у тебя память! — восхитился участковый. — Потому, наверное, ты и пойдешь далеко, то есть высоко взлетишь... Небось, уже полковник юстиции?

— Я и подполковника досрочно получил, так что положенные пять лет надо нового звания ждать.

— Ну уж недолго осталось...

— Ладно, — махнул рукой Кудеяров, — давай о том убийстве. Что там тебя насторожило?

— Следы... Потом орудие убийства — классический финский нож, который в просторечии называется финкой, то есть назывался, потому что таких ножей я уже давно у блатных не видел. Сейчас в обороте все больше армейские ножи, нож-бабочка или с выкидным лезвием... А там, в теле, остался такой классический...

— Финский нож, говоришь? — встрепенулся Павел. — А какой? Они же разные. Есть финский армейский «пуукко», отечественный нож разведчика «НР-40», еще «финки НКВД», которые изготавливались на заводе «Труд» лет восемьдесят назад. Есть современные финские ножи — «гюрза», например.

— погоди, — остановил друга Францев, — я имел в виду обычный финский нож, которым

в далекие времена щеголяли все блатные и при-
блатненные. С наборной рукоятью.

— Они тоже по-разному выглядят и назы-
ваются: «кишкоправ», «фенька», «приблуда»,
«дунька», «перо», «лезвие»...

— Там небольшая финка была, — объяснил
участковый, — для маленького кулачка — вроде
как для женщины.

— Значит, «дунька». С гардой или без?

— С чем? — не понял Николай. — А, с такой
штучкой, чтобы не соскользнула ладонь... У кор-
тика такая же... Ну да, с гардой. — Участковый
покачал головой. — Ну у тебя и память, Паша...
Я, может, тоже в далекие времена еще в школе
милиции знакомился с видами ножей, но не
помню ничего. Знаю только, что пленум Вер-
ховного суда в 1996 году изъял финский нож из
перечня опасного холодного оружия...

— Рукоять какая была, — продолжил Кудея-
ров, — наборная, разного цвета?

— Нет. Из рога сделана. Может быть, из лоси-
ного, может, оленьего. Но рог темный был и по-
лированный. Я в этом как-то не особенно раз-
бираюсь, — ответил участковый.

Павел молчал.

— Может, чайку? — предложил Францев.

Гость покачал головой.

— А может, за встречу по рюмашке коньячка? Я знаю, что ты днем ни грамма, но скоро обед. Может...

— Я вот о чем думаю, — не ответил ему Кудеяров, — убийца исчез, а оружие убийства оставил в теле жертвы. Нож женский, такими в былые времена обладали авторитетные воровки, или их дарили своим девушкам блатные авторитеты. Причем шмарам разным такие подарки не делали. Если убийца не забрал или не забрала этот нож, то...

— Он был оставлен специально, чтобы навести нас на ложный след, — догадался участковый, — чтобы мы, увидев это перо, сразу начали потрошить бывших сидельцев или лиц, с ними связанных, в надежде, что кто-нибудь из них опознает предмет и скажет, кому он принадлежит. Был бы здесь бывший местный житель Вася-в-квадрате, он бы все нам рассказал... То есть вам, товарищ подполковник юстиции... Удивляюсь, как тебе удавалось тогда на откровение такого серьезного авторитета раскрывать? Он, кстати, год назад заезжал как-то и сюда заходил, тобой интересовался, и я сказал, что ты в Москве и у тебя все в порядке.

— А Вася?

— Сказал, что живет в Порто каком-то... то есть в Италии. И у него тоже все путем вроде. Только сердце за родину болит. Ностальгия, по его словам, это как финская приبلуда в сердце... Надо же! — удивился Николай. — Именно так и сказал про финский нож. А вот название города я забыл.

— Портофино, наверное, — предположил Кудеяров, — это курортный городок на Лигурийском море. А без Васи ты сам не вспомнишь, кто тут не по одной ходке имеет? Если среди подобных почетных жителей нашего городка имеется женщина, то назови ее имя в первую очередь.

— Так только одна у нас такая — Варвара Краснова — нынешняя владелица ресторана «Вертолет», который мы с тобой в былые времена посещали. Но только сейчас это заведение не такое солидное, теперь оно как молодежный клуб работает. Краснову сейчас между собой называют Варвара-Краса.

— Симпатичная?

— Я бы не сказал. Хотя на любителя. В прежние времена ее звали Варька Лопата. Она же карманницей была. А «лопата» или «лопатник» на жаргоне означает...

— Кошелек, — поторопил друга Кудеяров. — Ты говоришь: сейчас она владеет популярным

в прежние времена рестораном. И что слышно про это заведение?

— Болтают всякое. И то, что там наркоманы тусуются, дежурные проститутки за стойкой, официанты обсчитывают и алкоголя в коктейли не доливают. Но заведение проверяли, в том числе и я принимал участие, но ничего такого... Девочки за стойкой присутствуют, разумеется, но у нее же ценник на лбу на обозначен, а контрольные закупки мы не делали... С Варварой я лично беседовал пару раз, интересовался, кто ее крышует, но узнал лишь, что она и сама за себя постоять может. Варе сейчас под пятьдесят, выглядит лет на сорок. Не замужем, но жила некоторое время с парнем лет на пятнадцать младше себя. Или даже на двадцать. Потом его выперла. Свидетели рассказали, как она вытаскивала его из машины... То есть не она лично, а человек из ее клуба вытащил несчастного, и Варя уже сама обработала его по полной. А тот паренек на вид не слабак. Краснова его уже на земле ногами добила.

— В каком смысле? — не понял Кудеяров. — До смерти?

— Нет, конечно, до отключки. Но он сам потом встал, какие-то сердобольные бабульки мимо проходили, помогли ему дойти до нашего медцентра. Ну а потом его никто не видел больше.

— Разберись с этим, — попросил Павел и добавил: — И еще: не особенно распространяйся, что я здесь.

Они вышли вдвоем, и Францев увидел черный «Ауди Q7».

— Это твой? — удивился он.

— Служебный. У меня личная «Хонда» была, если ты помнишь, но почти год назад ее мне взорвали. И начальство решило как-то компенсировать.

— Взорвали? — не поверил Николай. — А ты где был?

— Рядом стоял. Потом бабахнуло, и меня метров на семь отбросило. Повезло, что не на асфальт, а на газон. Если бы припарковался на это место, но в другую сторону, то могло бы отбросить как раз на трассу под поток машин. Но я и без того целый месяц в госпитале валялся.

— И кто это сделал?

— Кто сделал, не так важно, но заказчика взяли. В один прекрасный момент он вдруг стал владельцем крупного градообразующего предприятия. Бывшие владельцы пытались добиться справедливости, но стали вдруг умирать один за другим. А те, кто хотел жить, отказались от своих претензий. Кроме того, на стороне нового хозяина — человека с криминальным прошлым —

вдруг оказались и местная власть, и местные правоохранительные органы.

Павел открыл дверь, и Францев заглянул в салон.

— Какая красота! — восхитился он. — А какой запах! Дашь покататься?

— Да хоть сейчас садись за руль.

— Сейчас не могу, — вздохнул участковый, — сейчас у меня дела.

Кудеяров сел за руль и уехал, а Николай вернулся к своему рабочему столу, опустился в красное кожаное кресло, в спинку которого был встроен массажер, выдохнул, выдвинул ящик стола и посмотрел на фляжку с виски, преподнесенную ему пару недель назад на День милиции главой поселковой администрации, вздохнул и задвинул ящик. Было очень обидно. А как не обидеться, когда друг разговаривал с ним как с дураком, расспрашивал, хотя сам наверняка знал гораздо больше, чем он, рядовой участковый. Впрочем, конечно, далеко не рядовой.

Францев еще раз оглядел свой кабинет и вспомнил, каким он был несколько лет назад: выцветшие обои, продавленный диван для посетителей, на котором приходилось порой спать, когда в соседней комнатке, считавшейся его жилплоща-

дью, оставались ночевать друзья после вечерних посиделок. Когда-то здесь стоял еще ободранный холодильник, постоянно дребезжавший с такой оглушительной злобой, что приходилось его пинать ногой, чтобы он притих хоть на пару минут. А сейчас на том же месте стоит, сверкая черной зеркальной дверью, двухметровый красавец.

Подполковник достал мобильный, размышляя, кому бы позвонить. А потом положил телефон на стол. Снова выдвинул ящик, посмотрел на фляжку. В голову пробиралась какая-то песня или стихотворение — мелодия подзабылась, но слова вспомнились отчетливо, и Николай произнес их громко, сбрасывая с себя напряжение и обиду:

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

За окном послышался звук двигателя подъехавшего автомобиля. Не прошло и минуты, как отворилась дверь и в кабинет вошел Кудеяров.

— Вернулся, чтобы извиниться.

— За что? — изобразил непонимание Францев.

— За разговор. Я надеялся, что ты знаешь больше, чем следствие. Так что прости. А вече-

ром мы обязательно посидим и на все темы с тобой поговорим. А что касается тех следов, которые сбили с толку не только тебя, но и следователя Карпова, — тут все просто. Просто убийца надел обувь хозяйки и ушел спиной вперед. Хотя, может, он ушел в своей обуви, а в этом случае он невысокого роста или и вовсе женщина. Но ясно одно, что убийца пришел до начала снегопада, а ушел после того, как он закончился. Судя по моменту наступления смерти гражданки Черноудовой и по приблизительному времени прекращения снегопада, прошло около часа. Что делал в это время убийца в доме? Ты же сам видел при первичном осмотре помещений, что следов разгрома и поисков чего-либо — денег, драгоценностей — нет.

— Не обнаружил, — подтвердил Николай, — потому что все было прибрано.

— А если убийца ничего не искал, то он очень хладнокровен и выдержан. Остаться на месте преступления и ничего не делать — немного странно...

— Мне кажется, что он выпивал, — вдруг догадался Николай, — на кухонной столешнице стояла пустая бутылка виски, а в мойке два стакана. Но отпечатков пальцев не было: ни на бутылке, ни на стаканах, как и на ручке

входной двери. Убийца не просто хладнокровный и спокойный, как ты заметил, — он еще и опытная тварь: сам подумай — убил, допил виски, надел ботинки и утопал спиной вперед, чтобы никто не сомневался, что кто-то вошел внутрь и не выходил. Местный следком в полном недоумении.

— Следователь Карпов, чтобы не мучиться догадками по поводу направления следов и закрыть дело, высказал предположение, что Алевтина Черногудова убила себя сама, а то, что на орудии убийства не было никаких отпечатков, объяснил предположением, что их могли слизать собаки. Узнав о таком выводе, я и решил приехать. Ведь это мой район... То есть наш. Так что работаем вместе, Коля.

Францев поднялся со своего кресла почти стремительно и выпалил громко:

— Всегда готов!

— Тогда потряси аккуратно эту Варвару-Красу и на своих информаторов надави — пусть побегают: наверняка кто-то что-то знает. Должен знать. Я дело изучал: так вот, в телефоне убитой контактов более трех сотен, и это только те, с кем она общалась довольно часто. А я направляюсь в поселок: у нас там с тобой есть две очень наблюдательные помощницы.

— Люба с Виолеттой? — переспросил Николай. — Но я же с ними беседовал сразу же, и они ничего не знают. Единственное, что может помочь, — то, что именно Люба, которая, как ты помнишь, замужем за банкиром Гуревичем, наружила тело.

— Тогда обе, может, и не знали ничего, но, учитывая их активность, могли что-нибудь разведать. Проверь!

Францев кивнул и поинтересовался без всякой надежды:

— Может, пообедаем сначала?

Но, увидев лицо друга, тут же изменил свое предложение:

— Тогда хоть поужинаем у нас?

— Подумаю, — кивнул Павел.

Ничего не сказал больше, повернулся и вышел из кабинета участкового.

«А может, он приехал не по нашему делу, — подумал Николай, — убийство дамы с собачками — прикрытие, чтобы начальство отпустило. Наверняка у него встреча с Мариной¹. Сколько же длятся их отношения? Года четыре или около того. Неужели на сей раз решили пожениться?»

¹ Екатерина Островская. «Двери в темное прошлое».

И он порадовался за друга. Порадовался, разумеется, не потому, что Марина Лужина — богатая женщина, у которой солидный бизнес — крупное мебельное производство, а потому, что Павел и Марина по-настоящему любят друга друга. И то, что они до сих пор не вместе, — досадная и нелепая случайность.

Францев поднялся с кресла, зачем-то погладил кожаную обивку спинки. Покидать теплое помещение не хотелось, но служба есть служба, хотя предстоит заниматься делами, которые не входят в его обязанности участкового, но об этом попросил Павел, а значит, надо помочь ему. И спросить, что у него с Мариной... Как-нибудь тактично, как будто случайно вспомнил.

Глава вторая

Участковый зашел в ресторан и оглядел зал. Посмотрел и на огромный пропеллер под потолком, который летом нагонял в зал прохладный воздух. Мимо пробежала молоденькая официантка, Николай сделал попытку остановить ее.

— Девушка!

Та едва остановилась, обернулась на ходу, сказала быстро:

— Я ничего не знаю, я только второй день здесь.

И скрылась в подсобке.

Францев направился к барной стойке, буфетчица стояла спиной к нему, но Николай узнал ее.

— Давно здесь?

Женщина обернулась и постаралась приветливо улыбнуться, продолжая молчать.

— Алена Сорокина, я, кажется, задал вам вопрос, вы что, принципиально не хотите со мной общаться?

— Здравствуйте, Николай Степанович, — наконец ответила буфетчица, — просто голова кругом. Я здесь всего два месяца, но столько всего навалилось... Не думала даже, что работа за стойкой такая ответственная и тяжелая: столько надо всего знать...

— Я чего тут знать? — удивился Францев. — Наливай да пей.

— Намек поняла, — шепнула женщина, — вам чего налить?

— Я не в этом смысле, — затряс головой Николай, — это я к тому, что если бы ты работала не два месяца, а два года, то ты знала бы всех постоянных клиентов.

— Так я и так их знаю: все же местные. В основном, конечно, молодежь, но я и родителей их знаю.

— Да меня одна тут интересовала, но она не из самого Ветрогорска, а из коттеджного поселка «Ингрия». Черноудова Алевтина.

— Эта та, которую недавно убили? — снова шепнула буфетчица. — Но ту я тоже здесь видела. Особо ничем она не отличалась.

— Ну ладно, чего уж там, — вздохнул Николай.

— Но слышала про нее много чего, — так же тихо продолжила женщина.

— Что, например?

Сорокина посмотрела в зал, проверяя, не слушает ли кто их разговор, наклонилась к барной стойке и совсем негромко произнесла:

— Ну, типа того, что у нее был роман с Холлодом, а до того с Артемом, который служил водителем хозяйки... Он тут поставил своих распространителей... Так говорят, но сама я не могу утверждать, потому что тогда только пришла и не успела...

Она не договорила и резко отстранилась от стойки. Николай обернулся в сторону зала и увидел ту самую молоденькую официантку, которая не захотела общаться с ним. Но теперь рядом с ней стояла крашенная блондинка средних лет с розовыми тенями вокруг глаз. Эта была владелица ресторана Варвара Краснова. Она быстро махнула ладонью, и молоденькая официантка, стуча каблучками, удалилась.

— Какая шустрая девочка! — громко удивился Францев. — Я только подумал, что надо вас позвать, а она сама сразу за вами.

— У вас ко мне какие-то вопросы? — поинтересовалась Краснова.

Участковый шагнул к ней.

— В качестве профилактики я обязан это сделать, — с грустью в голосе произнес Николай, — а то разные сигналы поступают, люди настойчиво просят принять меры.

Краснова покосилась на буфетчицу и громко произнесла:

— Прошу проследовать в мой кабинет, товарищ подполковник.

Переступив порог, Францев удивился:

— Надо же — ничего тут не изменилось!

— Бывали здесь прежде? — поинтересовалась хозяйка ресторана, проходя за свой стол и усаживаясь в кресло.

— Приходилось, и не раз, — признался участковый, придвигая к себе кресло для посетителей. — Но это было давно, еще когда это заведение принадлежало Дмитрию Васильевичу Романову. А еще ему принадлежали кафе «Романсеро», пирожковая «Ромовая баба»...

— А еще и итальянский ресторан «Мама Рома», — продолжила Краснова, — а теперь эта именно точка — мой ресторан.

— Повезло тебе, — кивнул участковый, — хорошее заведение было. И дорогое для наших мест. А насколько я помню, ты, Варвара Григорьевна, откинулась шесть лет назад. Приехала

сюда, встала на учет... Потом на пару лет пропала, вернулась еще беднее, чем была, и вдруг покупаешь «Вертолет»...

— А вы мои деньги считали? Я эти два года на нефтедобыче вкалывала — буфетчицей в далекой таежной глуши.

— Ну да, — согласился Францев, — как говорится, тайга — закон, медведь — хозяин. Короче, настрадалась ты выше крыши. Ну хоть деньги платили — и то хорошо. Вася-в-квадрате на тебя не выходил?

— Кто? — изобразила непонимание женщина.

— Василь Васильевич Кульков — он же Вася Кулек, он же Вася-в-квадрате, прозванный так за свои размеры, — спокойно объяснил Францев, — ты че мне дурочку включаешь?

— Я никого не включаю, — поморщилась Краснова, — я просто даю понять, что с прошлым завязала, у меня теперь другая жизнь. Кроме того, с гражданином Кульковым близко знакомой не была. Да и когда мне с ним... Когда на меня первый зоновский бушлат шили, на него еще, как говорится, только...

— Ты бы, Варя, помолчала лучше, — остановил ее Николай. — Кулек при мне с Романовым о продаже этого кабака договаривался, но тогда они не успели сделку закрыть, потому что срочно

линять надо было обоим. Вот Вася и решил на тебя оформить... Знает, что ты не предашь и не кинешь. Кстати, как он там у себя в Портофине?

Женщина молча пожала плечами.

— А он знает, что у тебя тут наркотой торгуют?

— Клянусь мамой, гражданин начальник, не было такого...

— Мама твоя умерла три года назад; я сам в протоколе указал, что смерть некриминальная. Квартирка после ее смерти освободилась, и ты тут же прилетела из далекой таежной глуши, а точнее из города Пензы, где ударно вкалывала мамочкой в подпольном борделе.

Краснова выдвинула ящик стола, достала оттуда пачку сигарет и зажигалку.

— Ну да, был у меня сложный период в жизни, когда пришлось трудиться в сфере неофициальных услуг, но кому что плохого делала? Клиенты-мужики, местные и гости города, счастливыми уходили, девочки на учебу себе зарабатывали. Менты... простите, сотрудники правоохранительных органов тоже внакладе не оставались. И мы...

— И вы все вместе строили коммунизм в одном отдельно взятом городе, — продолжил Францев. — Ты мне лучше скажи, за что Холодец твой накидал твоему же Артему? Честно говори, чтобы

потом тебя спецы не кололи с вопросами о том, что тут на твоей территории Артем наладил.

— Да ничего он не наладил, Николай Степанович! Они девушку не поделили. Да там такая девушка: сегодня с одним, завтра с другим.

Участковый кивнул, как будто не ожидал иного объяснения.

— Алевтина Черноудова? Так ведь?

Краснова достала из пачки сигарету, щелкнула зажигалкой и пожала плечами.

— А я знаю, как ее звали?

— Знаешь! — уверенно произнес Николай. — Ты даже знаешь, что ее убили сразу после того, как твой Сережа Холодец накостылял твоему же Артему.

Варвара выдохнула струю дыма, помахала ладошкой, разгоняя ее.

— А я-то здесь при чем? И мой ресторан? Мужики подрались из-за бабы... Только, насколько я помню, это было сразу после того, как ее замочили.

— А ты Артему, уже лежащему, с носка по челюсти въехала. За что такая жестокость? К той девушке приревновала? Или все-таки за наркоту?

— Ваша правда, Николай Степанович, — кивнула женщина, — за наркоту поганую. Попытался он... в смысле, Артем, через одного хмыря

здесь сбыт наладить. Хододец его сразу взял, а тот и указал на моего водителя бывшего.

Францев посмотрел на часы:

— Как время летит! Уже обедать пора.

Он поднялся:

— Ну, будем считать, что профилактическая беседа проведена.

Он пошел к выходу, но у двери остановился и обернулся.

— А какой у тебя размер ноги? Дело в том, что Лене моей подарили сапоги итальянские — очень крутые, но с размером ошиблись. Можно было бы продать через магазин, но эти сапоги стоят столько, что у нас в городке вряд ли кто их подымет...

— С размером мне не повело, товарищ подполковник. У меня тридцать пятый. В магазинах если что стоящее появляется, то только больших размеров. У твоей Лены какой?

— Тоже маленький. А сапоги тридцать девятого ей привезли. Так что, если у тебя есть на примете такая подружка...

— У меня подружек нет.

— Разве? — удивился участковый. — А мне говорили, что тебя видели с «дунькой».

— Какой еще Дунькой? — не поняла ресторатора.

— У которой костяная ручка и гарда. Перо такое. У тебя его видели.

— А-а, ты про ножик. Врут твои осведомители. Так я с ножами не хожу. Во-первых, у меня масть другая, а во-вторых, и это на самом деле главное, я завязала. И мой тебе совет, Николай Степанович, ты не очень щеголяй знанием фени. Не поймут тебя люди. Сейчас на ней никто не болтает. Будешь к нынешним уркам с таким базаром подъезжать — за клоуна тебя примут. А прибудины я не ношу и не храню. Так и передай следаку московскому. Ведь это он тебя ко мне отправил?

— Да он по своим делам к нам, а ко мне по старой дружбе завернул.

— Нет у него никаких личных дел: его Вика давно уже за другим замужем.

— Что ты вдруг про учительницу вспомнила? — удивился Николай. — Это было давно и неправда к тому же. Что ты всякие сплетни собираешь?

— Прости, Николай Степанович, само как-то вырвалось. Твоего дружка потом уже с другой под ручку видели.

— И про это тоже распространяться не надо, а то ведь Кудеяров и обидеться может — а он теперь большой человек: из его кабинета Колыму видно.

Францев вернулся в зал, подошел к стойке и посмотрел на буфетчицу.

— Что, твой муж продал свою «Газель»? Не вижу его фургончик.

— В аренду сдал, — ответила Алена, — так он сам с ней в аренду сдался. На каком-то складе товар берет и развозит по точкам. Зарплата неплохая, только приходится делиться с боссом, который его туда пристроил, на него договор со складом оформлен... — Женщина обернулась, чтобы удостовериться, что никто не подсушивает, и все равно перешла на шепот: — А Кудеяров-то по какому делу приехал?

— По личному, — так же шепотом ответил Николай.

— Так у его Вики с Уманским все хорошо, если он думает...

— Что вы все бабы такие дуры! — возмутился участковый. — Если личное, а не служебное, значит, речь о девушке. А он ко мне примчался, чтобы отдохнуть. Пока лед не встал, можно и на рыбалочку смотаться. На спиннинг, конечно, поздновато и холодно, но на донку ловить самое то.

Францев положил на стойку визитку:

— Позвони, если вспомнишь что.

Алена кивнула молча, потом оглянулась и быстро бросила:

— Если что-то узнаю, скажу, — и добавила негромко: — Не для вас это делаю — для вашего друга. Он моего Сашку от тюрьмы спас, когда все думали, что это мой дурачок Алика Ашимова¹ зарезал. Так что если уж не узнаю, то и никто вам больше помочь не сможет.

Он вышел за порог и прикрыл лицо ладонью: недолго пробыл в ресторане, но за это время поднялся ветер, который заметал мелкую белую крупу и остервенело бросал ее по сторонам. Николай поднял воротник куртки и огляделся — улица и площадь перед Домом культуры были пусты: для жителей городка очевидная такая перемена оказалась внезапной — теплый октябрь и ноябрь вдруг стали зимой. Хотя и эта крупа вряд ли задержится. Ничего не бывает надолго. Когда-то он, отгарабанив почти двадцать лет опером, чуть под суд не попал: слава богу, начальство статистику портить не захотело — отправило в область участковым, где он и собирался остаться и дождаться своей пенсии. Он сменил молодого и раннего, рвущегося на службу перспективного лейтенанта Пашу Кудеярова, который, как выяснилось, сам выследил и задержал двух убийц. Он тогда

¹ Екатерина Островская. «Демоны прошлой жизни».

даже позавидовал парнишке, у которого было все впереди: и карьера, и вся жизнь. Тогда Францев и представить себе не мог, как изменится его жизнь, придет к нему то, о чем он и мечтать не мог, — любовь и счастье.

Теперь он спешил к жене, переполненный радостным ожиданием скорой встречи с любимой и с двумя маленькими людьми — дочкой и сыном.

Глава третья

Кудеяров позвонил Карсавину, и тот обрадовался.

— Ты здесь? Так давай прямо ко мне.

— Если только вечером: тут у меня дела.

— Ты случаем не по поводу убийства нашей Алечки?

— В том числе и по этому делу.

— Тогда тебе обязательно надо к нам заглянуть, потому что следствие проводилось абсолютно бездарно. Следователь какой-то странный — доверия не вызвал. Многие просто замкнулись, говорили потом, что он смотрел на них так, как будто они главные подозреваемые.

Шлагбаум был опущен, Павел вышел из салона и направился к будке охранника с тонированным стеклом, просунул в окошко руку с удостоверением и спросил:

— Разобрали, что там написано?

— Все ясно, — ответил мужской голос, — всегда буду вас пропускать.

«Ауди» не спеша катил по центральной улице коттеджного поселка, Кудеяров смотрел по сторонам: он не был здесь почти полтора года, но ничего не изменилось. Все те же красные кирпичные заборы, за которыми стоят особняки из красного кирпича.

Полтора года назад он примчался сюда, едва отпросившись у начальства, сказал, что на парутройку дней, чтобы проведать родителей, а пробыл почти неделю. Остался бы и на больший срок — нарвался бы на выговор, на лишение премии, на понижение в должности, но ему все сошло с рук. Остался бы и наплевал на все, только Марина сказала, что у нее сейчас нет времени на счастье, то есть на него, и ей надо лететь в Милан. Павел отвез любимую в аэропорт, видел, как она прошла регистрацию, после чего выехал на московскую трассу и погнал в столицу, выжимая из «Хонды» все, на что та была способна.

Ворота писательской резиденции были открыты, а сам Карсавин поджидал его на крыльце. Иван Андреевич спустился, чтобы его встретить, и обнял.

— Я скучал.

— А чего по мне скучать, я же не прекрасная дама?

— Дам мне хватает. Как раз сейчас одна сидит у меня в доме.

— Так я не вовремя?

— В самый раз: это Виолетта. Она все так же въедлива, как и раньше: ей хочется быть в курсе всего.

— Меня больше Люба интересует. Ведь это она обнаружила труп Черноудовой.

— Обнаружила, — подтвердил Иван Андреевич, — но вспоминать об этом не любит. Там же еще и соседка побывала. И Виолетта побывала, и наверняка еще кто-нибудь из любопытных местных женщин. А вот Люба, на мой взгляд, изменилась — стала еще более важной, чем была прежде.

— Это понятно: ведь ее муж возглавляет крупный банк.

— Да это все маска — какая из нее солидная дама! Ей бы только покрутиться в центре чего-нибудь такого. Они с Виолеттой, как всегда, стараются быть в курсе всего происходящего, — напомнил писатель.

— Но по убийству той девушки они ничего показать не смогли.

Иван Андреевич поежился.

— Ветер поднимается... Да и снег вроде... Хотя какой это снег: обычный зимний град — мелкий и подлый. — Карсавин посмотрел на следователя. — Может, все-таки в дом пройдем: у меня дровишки в камине потрескивают, тепло. Если ты к Марине планировал завернуть, то ее нет сейчас. Но можно...

— Я в курсе, — остановил собеседника Кудяров, — Марина сейчас в Германии, и, когда вернется, сама не знает наверняка. Но у тебя сейчас посторонние, и я не хочу, чтобы кто-то слышал наш разговор. А с Виолеттой, если потребуется, я потом один на один побеседую.

Карсавин кивнул:

— Со мной чего говорить про эту девушку убитую. У меня не было с ней особого общения, здоровались разве что... Хотя как-то забегала, и я ей книжку подарил. Аля была очень обаятельной девочкой. Собачек любила... У нас в поселке собака почти в каждом доме, даже я собирался брать, но потом передумал. Во-первых, я выпиваю. Порой бывает, что и работаю без продыху, когда, как говорится, муза посещает. Бываю занят и по другим причинам, могу отъехать на пару-тройку дней, а кому тогда с собачкой на прогулку выходить... Правда, Алечка помогала таким, как я, — чужих собак выгуливала...

— Бескорыстно?

— Нет, конечно. То есть она, насколько мне известно, деньги не просила... Но тут-то народ небедный обитает, да и не любят наши люди быть кому-то обязанными. Вполне вероятно, а скорее всего, что-то давали ей, подарочки какие, может, и деньги.

— Ты что-то про музу говорил.

— В смысле? А, это такой тонкий намек, женщины меня тоже посещают. Правда, таких преданных поклонниц все меньше и меньше становится. — Писатель замолчал, вздохнул и признался: — Насчет женщин я тебе наврал: в последнее время я все больше анахоретом... Скажу попроще — один я обитаю, и безвылазно, а если меня кто-то и посещает, то это Виолетта и Люба... Алечка пару раз заглядывала... Но ей-то интересно знакомство со мной, ведь я какой-никакой, а все-таки известный писатель. В недавнем прошлом известный... Книжку вот ей подарил, и она радовалась.

— Пойдем в дом, — предложил Павел, видя, как Иван Андреевич ежится.

Они вошли в дом. Сняв куртку, Кудеяров заглянул в гостиную: Виолетта сидела на диване, но, увидев его, поднялась навстречу. Подошла и, приобняв, расцеловала в обе щеки как близкого

знакомого. Близкого знакомства у них никогда не было, но Павел не выказал никакого удивления.

— Как хорошо вы выглядите, — сказал он, — такое ощущение, что молодеете с каждым годом.

— Увы, увy, увy, — замахала руками женщина, — время мне неподвластно. За последний год прибавила в весе, немного, но избавиться не могу от лишних килограммов. Вот Люба у нас действительно молодец — в свои сорок пять такую фигурку сумела сохранить.

— Сорок пять? — удивился Карсавин. — Думал, ей больше. Когда мы с ней познакомились... — Карсавин начал загибать пальцы, — много лет назад, она уж и замужем успела побывать, и в цирке поработать.

— Вы к нам по делу или просто отдохнуть? — обратилась Виолетта к Павлу.

Кудеяров хотел сказать, что просто приехал подышать свежим воздухом, потому что в столице нет такого аромата хвои. Хотел, но не успел, Иван Андреевич ответил за него:

— Паша здесь по делу, он будет заниматься расследованием убийства Али.

Соседка вздохнула:

— Хорошенькая была девочка.

— Ну да, — согласился Карсавин, — о мертвых либо только хорошее, либо ничего, кроме

правды. А мне и сказать-то толком про нее нечего.

Кудеяров удивился, но виду не подал: ведь совсем недавно этот человек нахваливал молоденькую соседку.

— Как нечего? — наивно удивилась Виолетта. — Она же к тебе бегала, ведь ты местная звезда. Ты да Вадим Катков. Ты литературная звезда, наша гордость. Катков — звезда эстрады. Ну, к Вадику она не особенно подкатывала, понимая, что конкуренция уж больно высокая. А к тебе заскакивала почти по-свойски.

— Пару-тройку раз если только.

— Так она мне сама говорила, что давно хотела познакомиться, ведь ты с ее папой был в дружеских отношениях.

— Кто?! — возмутился Иван Андреевич. — Да я видел его пару раз в жизни. Да и когда это было — сорок лет назад. Даже сорок с лишним лет.

Хозяин дома обернулся к Павлу:

— Представляете, я так был дружен с ее папой, что с трудом вспомнил, кто это. Я в школе учился, и к нам пришел студент-филолог — начал вести у нас ЛИТО — литературное объединение для начинающих писателей. Про себя он рассказал, что сам публикуется с тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, когда молодежная

газета напечатала его стихотворение к юбилею советской власти... Это были и в самом деле просто замечательные вирши!

Сотрясая дали и просторы,
Не один десяток лет — шестой
Все звучит, звучит с «Авроры»
Легендарный выстрел — холостой.

Иван Андреевич выдохнул и продолжил:

— И эту двусмысленную и даже провокационную чушь и в самом деле опубликовали. Вероятно, потом посадили главного редактора или ответственного секретаря.

Иван Андреевич рассмеялся.

— Но ведь ты... — начала было Виолетта.

Но писатель не слушал ее.

— Он и потом писал такую же ерунду, и самое удивительное, что у него выходили поэтические сборники. Вот послушайте...

Помарки нет в анкетных данных,
И нет проблем в открытии виз.
Они сидят на чемоданах
И ждут путевки в коммунизм.

Карсавин снова засмеялся и воскликнул:

— Во как! Графомания высшей пробы, и хоть идеологически все выдержано, но бездарность невероятная! Но публикации у него были: пару-

тройку книжонок он издал, вступил в Союз советских писателей. Восторженные литературные барышни смотрели ему в рот. Его же настоящее имя — Борис Евсеевич Шейман, но для литературы это совсем не годится, и он взял себе звучный псевдоним — Ростислав Майский.

— А почему у девочки была другая фамилия? — удивилась Виолетта.

— Папа так и не сделал ее маме предложения. Даже не жили вместе и после того, как вторая дочка родилась. И вообще, мама с дочками в Череповце, а престарелый любимец муз в Северной Пальмире. Я вообще про него и думать забыл, а потом как-то Алечка подходит на улице, ресницами хлоп-хлоп и говорит: «А мне папа про вас рассказывал».

— А потом она к тебе зачастила, — улыбаясь и явно подкалывая немолодого писателя, продолжила Виолетта, — да и ты к ней летал на крыльях Зефира, или на чем там летают поэтически настроенные пенсионеры...

— Прекрати! — не выдержал Карсавин. — Не говори так больше, а то поссоримся.

— Да я в шутку, — попыталась успокоить его женщина, — все же и так знают, с кем у Алечки был роман.

— И с кем же? — удивился Кудеяров. — В материалах следствия об этом ни слова.

— Да потому, что следователь, который вел это дело, — полный дурак, — начала объяснять Виолетта. — Он не опрашивал, а допрашивал и каждому объявлял, что нельзя покидать поселок до окончания следствия. Никто ничего ему рассказывать не хотел.

— А было чего рассказывать?

— Просто не хотели с ним люди беседовать, — объяснил Иван Андреевич, — у каждого ведь свои планы. Вот, к примеру, Виолетта с Любой хотели в Египет улететь...

— Так с кем же у Черноудовой был роман? — вернул разговор в нужное русло Павел.

— С Эдиком, — встрепенулась Виолетта, — вообще-то он Эдуард Иванович, ему сорок пять лет, и он владеет транспортной компанией, то есть... — Она замялась и продолжила: — То есть был владельцем транспортной компании. У него имелась пара десятков крытых «Г» и договор с сетью строймаркетов на доставку купленных через интернет товаров. Фирма была на паях с приятелем: тот как раз и принес этот выгодный контракт, а Эдик приобрел «Газели».

— Откуда ты все знаешь? — удивился писатель.

— От Ларисы, жены Эдика... то есть от бывшей его жены. Фирма у них была на троих. Поло-

вина принадлежала Эдуарду и его жене, а другая тому самому другу. Он у них частенько тут бывал... Ну и как порой бывает — оно и случилось. Эдику сорок пять, Ларочке — тридцать с небольшим — она симпатичная, мужчинам нравилась, особо не напрягаясь, а уж если захочет понравиться, то любой мужик на стенку полезет... Не то что она уж так красива, скорее обаятельна, но очень сексапильна. Вот так и получилось, что Лариса сошлась с молодым бизнес-партнером мужа. Любовь свою они скрывать не стали, выложили Эдику все... Потом развод, раздел имущества и бизнеса... Эдуарду достался загородный дом и одна «Газель», на которой он сам теперь и работает. Взял себе грузчика и развозит товар... Но он хорохорится: одевается так, как будто он и сейчас при деньгах, на «Мерседесе» внедорожном ездит...

— «Мерседес ML», — кивнул Карсавин, — только машине уже лет двадцать или около того. Проще было бы продать ее, пока возможно, и пересесть на «Ниву», но «Нива» ведь не престижная, тем более когда вокруг банкиры да чиновники... А еще девочки молоденькие. Ходят с глазами наивными...

Виолетта посмотрела на писателя с явным неудовольствием, потом покачала головой.

— Что-то не так? — обратился к ней Карсавин. Но женщина лишь рукой махнула.

— Желающих взять Алечку под опеку было достаточно, но у всех тут жены, а Эдик один, — она снова посмотрела на хозяина дома, — Иван Андреевич не в счет.

Писатель промолчал, и по виду его не было заметно, что он обиделся. Наоборот, он смотрел на следователя самым заинтересованным взглядом.

— Если вы говорили об Эдуарде Ивановиче Дробышеве, — вспомнил Кудеяров, — то у него имеется алиби. Вечером накануне он повез оплаченный товар в Лахденпохью, а это в Карелии, и вернулся домой только в десять утра.

— Да-да, — подтвердила Виолетта, — как раз уже полиция здесь была. Он подошел и узнал о том, что произошло с Алечкой. Для него это был удар, судя по всему, она ему действительно очень нравилась. Говорят, он неделю из запоя не выходил.

— Выходил, — покачал головой Кудеяров, — и даже показания давал. Но меня он не интересует. Кто-то другой еще оказывал знаки внимания девушке?

— Был еще Юрий Юрьевич, — вспомнила женщина, — это Алечкин сосед. Он даже пообещал построить на ее участке гостиницу для со-

бак. Но потом, вероятно, передумал. Да у него такая жена, что шаг вправо, шаг влево считается как попытка побега, прыжок на месте — провокация. Да и потом, он очень занятой человек: у него автосалон «Рено» и станция технического обслуживания. А Наташа его там же бухгалтером работает. Могла бы, конечно, и дома сидеть, но надо же держать мужа под контролем. Хотя я зря наговариваю: она с Алей была в дружеских отношениях, даже помогала ей интерьер до ума доводить. Там же домик был практически без внутренней отделки.

— Что можете сказать о доме Черноудовой?

— Кого? А, это вы про Алю. Дом стоит на отшибе, там раньше было болотце небольшое — без дождей как лужа. А во время дождей чуть ли не озерцо. Но еще Хепонен покойный канаву прокопал и осушил участок, потом привез строительный бой, песок, землю и все там выровнял. Говорил, что будет использовать для общественных нужд — детскую площадку сделает или волейбольную. А потом просто выкупил у членов товарищества эту землю и построил дом. А потом, как вам прекрасно известно, Лужин в лесочке убил Олега... Жена Хепонена съехала, потом она продала свой дом, а этот стоял, пока вот Алечка не появилась. Наташа ей

помогала и по участку, подарила пару яблонь, клумбы обустроила... Наташа — большой специалист по цветам. Если к мужу обращались мужчины, когда с машинами что случалось, то к Наташе — все женщины, которые хотели свою территорию облагородить. Наташа никому не отказывала.

— То есть между супругами ссор не было?

— А кто вам сказал, что были? Если Наташа и могла Юрию Юрьевичу что-то высказать, то наедине.

— То есть вы не были свидетелями их семейных ссор?

— Нет, конечно. Да они вообще-то очень дружно живут. Я почему о них вспомнила — просто они ближайшие соседи бедной Алечки.

— Убитая нигде не работала, но не бедствовала. Не знаете, откуда у нее средства?

— Она только официально нигде не числилась, — вступил в разговор Иван Андреевич, — но она занималась собачками, круглосуточно, можно сказать.

— Вы ей перевели полгода назад сто тысяч рублей. За что? За какие услуги? Собачки у вас нет.

— Она попросила в долг, сказала, что за дом не до конца рассчиталась. То есть у нее кредит за дом не выплачен. Я перевел сто тысяч, сказал,

чтобы она отдала, когда сможет. Я же человек не бедный — вам это известно.

Павел посмотрел на Виолетту:

— А вы давали ей в долг?

Виолетта задумалась, как будто пытаюсь вспомнить, а потом тряхнула головой.

— Я — нет, а вот моя подруга — вам известная Люба Гуревич давала ей деньги. У Любаши ведь собачка — вольфшпиц. И Аля иногда гуляла с ним, а когда Гуревичи уезжали, то брала Боню на это время. Если вы все переводы на ее счет проверяли, зачем расспрашивать? — Она посмотрела на Кудеярова почти с негодованием. — У бедной девочки мечта была построить гостиницу для собак. Искали бы убийцу лучше. А то народ уже вопросы задает — доколе?

Павел кивнул:

— Ищем. Следователь Карпов, который вел это дело, решил все-таки на пенсию выйти. Возраст уже, да и здоровье пошаливать начало.

— Бегал слишком много, — усмехнулся Иван Андреевич, — видимо, ваш Карпов считал по старинке, что следователя ноги кормят.

Кудеяров не ответил сразу, он смотрел некоторое время на собеседника, а потом пожал за чем-то плечами и произнес негромко:

— Только между нами: Карпову пятьдесят три года, и у него обнаружили онкологию.

— Простите, но мы не знали, — попыталась оправдаться Виолетта и оглянулась на писателя.

— Павел, — произнес тот, — нам известно, что вы не последний человек в Главном управлении процессуального контроля.

При этих словах Виолетта удивленно вскинула брови, скорее всего, она не слышала совсем, в каком управлении работает Кудеяров, а хозяин дома продолжал:

— Неужели вы здесь по делам вашей службы и начальство отправило вас сюда, чтобы разобраться в обстоятельствах смерти, то есть в обстоятельствах убийства ничем не примечательной девушки?

— Жизнь любого человека важна. Убийца остается таковым независимо от того, кого он убил — банкира Панютина или Алену Ивановну.

— Какую Алену Ивановну? — не понял Карсавин и тут же сообразил. — Вы вспомнили старуху-процентщицу из романа Достоевского? Очень неудачное сравнение: поставили в один ряд какой-то пусть очень яркий, но все же выдуманный литературный персонаж и нашего друга, нашего соседа... Вон его дом за окошком виднеется.